

Владимир Де
Ланге

Пожелай мне личного счастья

Владимир Де Ланге

Пожелай мне личного счастья

«Автор»

2026

Де Ланге В.

Пожелай мне личного счастья / В. Де Ланге — «Автор», 2026

Пронзительный и психологически точный роман в новеллах, написанный по мотивам книги "Вера и рыцарь её сердца", исследующий изнанку современной европейской эмиграции сквозь призму судеб одной интернациональной семьи. Главная героиня, русская женщина Вера, и её муж, бельгийский офицер-спасатель в отставке Ронни, строят свой хрупкий союз на обломках прошлых жизненных неудач. Вокруг их «ковчега у моря» бушуют шторма чужих интриг, застарелых обид и непонимания повзрослевших детей-мигрантов, проходящих через жёсткую ломку интеграции. Написанная в лучших традициях психологической драмы, книга показывает, что счастье — это не сытая прагматичность и не толстый кошелёк, а мудрая готовность разделять боль близкого человека и упрямая способность подниматься после каждого падения.

© Де Ланге В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Скитальцы	5
Мне суждено познать любовь	6
Какое оно моё счастье?	8
Торт с вишенкой	11
Женская дружба.	21
Осеннее утешение	33
Простая история на Рождество	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Де Ланге

Пожелай мне личного счастья

Скитальцы

Я старт взяла и побежала с судьбою наперегонки. Она в затылок мне дышала, шепча пророческие сны. Я в юности преграды покоряла, а в зрелости — бежала от беды; и падала, и спотыкалась, но не было спасающей руки. Казалось мне, что счастье я в пути познаю, награду за страдания получу... И вот уже я финиш пробегаю, и силы нет, а я бегу, бегу...

Я, потерявшая себя, свой дом, мечту и верность друга, устала до смерти от череды потерь, тревог, пустив судьбу на самотёк. Какое «счастье» в этой жизни я ищу? Зачем спешу, когда одна осталась радость: что, слава Богу, я ещё дышу?

И тот, кого не замечала, когда порой он мимо пробежал, однажды слово вешнее вдогонку мне сказал: «Тебя Он любит, дорогая, Господь тебя оберегал. В своих несчастьях ты Его не замечала, хотя Он помощь предлагал». Случилось чудо: я поверила в любовь Христа и вновь в пути. Иду уверенно, спокойно, теперь тропа моя узка — на ней я встретила тебя.

Ты долго по свету скитался, забыл про рыцарство и честь. В кругу друзей ты прославлялся, тебе была приятна красивых женщин лесть. Ты был силен, умён и весел, служил Отечеству, герой! Летал на планере беспечно и на горе стоял крутой, и знать не знал, что оставлял ты за собой.

Так проходили год за годом, своих друзей ты растерял. Родителей твоих другие хоронили... Любви к одной-единственной, прекрасной, ты так и не познал. И вот пришла пора на лаврах почивать беспечно, но не с кем было по душам поговорить: никто тебя не понимал и осуждать — не осуждал.

Судьбою понукаем, ты оказался в тупике. Но не сдавался, а на колени перед Богом встал — как блудный сын, что всё отцовское наследство до срока прокутил, оголодал и возвратился в дом родной, не солоно хлебавши, с поникшей головой.

Твою мольбу Господь услышал. Тебя ещё Он до рождения познал и возлюбил, и, как дитя родное, принял и к новой жизни возродил. Тебя Он мной благословил и дал ключи от счастья, чтобы меня ты на чужбине отыскал и перед Богом своей избранницей назвал.

Теперь моя рука лежит в твоей, и мы идём по жизни вместе, земное счастье пробуя на вкус. А мир любви — он изначально вечен, его создал для нас Господь, Христос — хранитель наших душ.

Мне суждено познать любовь

Мне суждено было познать,
То одиночество,
Когда ты рядом,
И близостью с тобой дышать,
Когда ты далеко.
Порой на время,
Хочу
Твоею тенью стать,
Её ты не заметишь,
Ногой не оттолкнёшь,
Но сердце твоё будет знать,
Что я с тобою рядом,
Приму удары злой судьбы,
Тебя собою заграждая.
Я дам тебе покой,
Когда вокруг весь мир
Сойдёт с ума
От драки,
И буду в жаркий день
Поить тебя
Прохладною водой,
из родника
И земляникой угощать

Лесной,
Чтоб в Судный День
Стоять с тобой рядом,
Рука в руке,
С поникшей головой
И с сердцем благодарным
Богу,
За то, что на земле
В своей любви
Мы познаем Его Любовь,
В которой смерти нет,
Есть тайна жизни божества
Любви,
Прекрасной, радостной
И вечной.
Обручальные серёжки

Какое оно моё счастье?

Сколько человек может упиваться счастьем? Наверное, столько, сколько выдержит его не искушённое радостями сердце. Надо отметить, что это чувство не зависит от длительности свободного парения в мире сбывающихся грёз, ибо каждое мгновение счастья для человека более желанно, чем любые сокровища мира.

Вера с судьбой не спорила, она упивалась своим моментом и, как все счастливые люди, часов не наблюдала, забыв, что реальность рано или поздно даст о себе знать. Видимо, за свой век она так настрадалась, что даже Бога на небесах разжалобила. Ведь именно по Божьему хотению и Его велению она — пусть условно, пусть как будто бы — но вышла замуж за сильного, умного и доброго гражданина Бельгии. Человека, с которым ей хотелось вместе стареть. Поэтому Вера не противилась своему счастью.

Когда она встретила его впервые, он был так по-рыцарски хорош, что она испугалась. После второго свидания Вера отказала бывшему десантнику и офицеру МЧС, не пожелав взваливать на него проблемы уборщицы-мигрантки. Но когда через два месяца она, уже имея четыре негативных ответа, по суду всё же получила гражданство Бельгийского королевства, то решила дать себе последний шанс. Она приняла приглашение приехать к нему домой, в курортный городок на берегу Северного моря. А после совместного ужина ответила согласием на его предложение стать ему верной женой. Свидетелями тому были луна, звёзды и невидимый Бог, перед Которым они поклялись друг другу в любви и верности.

Эта помолвка состоялась вечером. Утром Ронни уже звал Веру женой, а после обеда проводил её на вокзал, взяв обещание приезжать к нему каждые выходные, пока они не смогут жить вместе.

По возвращении домой Вера не огорчалась, что её будни несколько не изменились и шли своим чередом. Сердцем она чувствовала радость грядущих перемен. Это было сродни счастьем, которое она бережно хранила, как цыплёнка за пазухой, — ведь скоро только сказка сказывается. Конечно, Вера понимала, что её вдохновенные планы на будущее пока ещё вилами на воде писаны: Ронни сам жил в однокомнатной курортной квартире, куда не впихнёшь всё её семейство. Но к чему счастливому человеку глядеть под ноги, когда перспектива так прекрасна!

Уборка чужих квартир не мешала женщине думать о будущем, а Ронни звонил регулярно, два, а то и три раза в день, чтобы напомнить о себе. В таком приподнятом настроении она проводила дни. По вечерам же, когда Вера возвращалась в свою городскую квартиру, в заботах о семье её рассудок самовольно блокировал любые мысли о замужестве. В собственном доме она оставалась одинокой многодетной матерью на чужбине. Самым долгожданным моментом становился тот поздний час, когда домочадцы наконец оставляли её в покое. Она ложилась на матрас, лежащий на полу за подержанной ширмой, и предавалась мечтательному забытию, которое быстро переходило в крепкий сон.

Дети находили забавными любовные отношения мамы с бельгийским пенсионером, живущим у моря. А поскольку её поездки по выходным дням никак не отражались на привычном укладе, на эти мамины причуды мало кто обращал внимание. Мама была и оставалась кормилицей, заботливой домоправительницей, и она просто не имела права оставить своих детей и внучку на произвол судьбы.

Быстро пролетали трудовые недели, и каждый раз Вера, как на крыльях, летела к морю, где её ждали любимый мужчина, блаженство и покой. По воскресеньям она просыпалась от шума морского прибоя и смешной песенки Ронни, которая звучала как приглашение к столу:

— Кофе, кофе, вкусный кофе я приготовил для любимой жены!

Чашечка утреннего кофе аппетитно дымилась, и Вера, блаженно потягиваясь, вылезала из-под пушистого одеяла. Она усаживалась за стол, чтобы осторожно пробовать вкус своего кофейного счастья. С каждым глотком сладкого напитка волна желания быть любимой и любить накрывала женщину с головой. К завтраку предполагался свежее испечённый батон, за которым ещё предстояло сходить в булочную.

Неожиданно через открытое окно балкона послышался колокольный звон. С этим звуком Вере нестерпимо захотелось предстать перед Богом женой мужественного рыцаря из её детской мечты — человека, у которого было не только доброе сердце, но и ум, позволяющий иметь собственное мнение. А вот насчёт яхты и одноместного планера она так до конца и не поняла: владеет он ими ещё или владел когда-то — по старым фотографиям определить это было трудно.

Колокольный звон разливался по всей округе и сливался с шумом прибоя.

— Ронни, давай пойдём в церковь, — предложила Вера мужу, вопросительно глядя в синеву его глаз.

— Пойти в церковь? Да я уже тридцать лет не хожу туда, даже порог не переступаю... из принципа. Подожди, ты у меня что, католичка?

— Нет, я православная, но сейчас просто хочу пойти в храм как христианка. Мама мне всегда говорила, что славить Бога можно везде, где прославляется Иисус Христос. Я так давно не была на службе. Мне так хочется, чтобы Бог увидел нас вместе, тебя и меня, и порадовался за нас... Это правда, Он и сейчас видит нас.

Эти слова непонятным для самого Ронни образом убедили его, что пришла пора менять свои отношения с Творцом. Самозванные молодожёны засобирались, чтобы успеть на воскресное служение. Звон колокола уже стихал, когда они вошли под своды капеллы, стоявшей в центре прибрежного курортного города, прямо у трамвайных путей, и сели на пустые задние скамейки.

Под готическими сводами царил прохлада. Людей в церкви было немного. Разобрать то, что говорил и пел седовласый пастор, оказалось почти невозможно — его голос сопровождало многократное эхо. Но это никоим образом не уменьшало светлую радость, переполнявшую сердце Веры. Рядом с ней на скамье сидел мужчина, называвший её женой, и они оба были счастливы одним общим счастьем.

После службы пастор стоял у выхода и на прощание благословлял каждого прихожанина дружеским рукопожатием. Вера и Ронни были последними в этой очереди. Желая получше познакомиться, пастор пригласил их вернуться для разговора в церковную залу: его искренне заинтересовала короткая история их любви.

Если Вера скромно отмалчивалась, то Ронни словоохотливо поведал духовному лицу свою жизнь. Рассказал о том, как тридцать один год прожил с нелюбимой женщиной, сравнивая те страдания с Божьей карой. О том, как жена призналась, что дети не от него. После развода он чувствовал себя лишённым будущего, и только чудесная встреча с Верой вернула ему надежду и смысл. Он отыскал её среди множества женщин и, чтобы больше не терять, взял в жёны перед лицом Господа. В заключение столь трогательного признания Ронни попросил у священника благословения. Пастор возложил руки на их головы, освящая их союз искренней молитвой.

Домой они вернулись окрылёнными — теперь их супружество приобрело духовную законность. Полнота чувств переполняла обоих; казалось, весь мир существовал только для того, чтобы они как можно больше узнавали друг о друге. В эмоциональные моменты Ронни часто переходил на свой грубый антверпенский диалект фламандского, а Вера при разговоре

постоянно заикалась, суматошно подыскивая нужные нидерландские слова. От напряжения она забывала правильный порядок построения предложений, без которого понять её речь было трудно, но каждый из них двоих всё равно понимал именно то, что нужно было понять.

Как жаль, что выходные изначально не были задуманы резиновыми, чтобы при случае их можно было растянуть хотя бы на часок. И тут ничего не поделаешь: что хорошо, то коротко.

Торт с вишенкой

Вечером в воскресенье Ронни проводил её и посадил на поезд. Вера благополучно вернулась в свою привычную стихию, где ничего не менялось и меняться не собиралось. Только каждодневные звонки в обеденный перерыв напоминали о существовании Ронни, словно принца из сказки.

С утра до вечера она бежала на электричку, на станции под названием Ландегем вскакивала на велосипед и мчалась по адресам своих бельгийских клиентов, которые нуждались в её помощи по уборке жилья. Вечера же она посвящала детям, зятю и внучке Эмили. Хорошо, что и в череде будней бывают праздники, на которые ходишь с огромным удовольствием. В эмиграции дружба ценится особенно высоко: общая доля матерей-одиночек, волею судьбы оказавшихся на чужбине, сплачивает подруг почти семейными узами. Поэтому сразу после работы Вера поспешила в гости к Даше — её сыну Алику исполнилось четырнадцать лет.

Именины детей Даша обычно справляла в сутолоке гостей, состоящих из русских семейных пар и её очередных поклонников. Но после ухода Людвиг, который сбежал, прихватив с собой хрустальные рюмки, единственным преданным спутником Даши оставался здоровенный кот Васька. Он прекрасно знал себе цену и снисходительно позволял хозяйке за собой ухаживать, проводя каждую ночь, вытянувшись у её ног.

Именинник Алик уже перерос того милого мальчика, который когда-то любил играть с Витей и Таней, младшими детьми Веры. Теперь он выглядел длинноногим щёголем в узких джинсах и стильном блузоне. Мальчик явно гордился своим чубом, вздёрнутым по-петушиному вверх, а в его чёрных глазах светилось удовольствие от осознания себя самым крутым именинником в округе, принимающим от маминых друзей конверты с деньгами.

Алик любил тётю Веру. Когда он был маленьким, то с удовольствием гостил у неё в старинной усадьбе, и сейчас искренне обрадовался её приходу — даже больше, чем подарку, состоящему из солидной шариковой ручки и блокнота-еженедельника.

Пока в гостиной накрывался стол, Вера присела у распахнутого окна на кухне и, никому не мешая, думала о своём крестнике. Прошлым летом Даша получила вид на жительство, съездила на несколько дней в Казахстан и заодно крестила сына по православному обряду. В день крещения Даша дозвонилась Вере, чтобы поздравить её как крестную Алика. Разговор между Верой и крестником тогда вышел короткий: видимо, Алик и сам толком не понял, зачем его крестили, зато дорогими часами, которые ему подарил крестный — его родной дядя, — мальчик был очень доволен. В то время у Веры были тяжёлые дни, она выживала как могла, поэтому не стала соревноваться с названным кумом и самовольно сложила с себя полномочия крестной до лучших финансовых времён. А эти времена всё никак не наступали.

Теперь Алик стал красивым, ухоженным юношей. Он любил играть в футбол, увлекался боулингом, и к нему на выходные уже приходила девочка, с которой у мальчика завязалась далеко не юношеская любовь.

Задумавшись, Вера не сразу заметила Дашу, присевшую у раскрытого окна. Подруга красиво курила сигарету, с наслаждением втягивая едкий табачный дым.

— Что приуныла, Верочка? Устала, поди, от уборок в домах стариков и этих велосипедных марафонов? Ох, скорей бы получить социальное жильё, вот тогда-то мы своё возьмём! Да, ты уже видела мой подарок Алику? Хороша дублёнка, правда? Мне удалось купить её всего за шестьсот евро! Как поживает наш бодрячок-старичок Роберт? Он по-прежнему кормит тебя обедами, когда ты у него убираешь? Уж не ревнует ли он тебя к твоему новому другу, которого

ты держишь в секрете от всех? Хоть бы познакомила! Ты всё ещё едешь к нему на море? И что, он тебя до сих пор в ресторан не пригласил? Нет? Неужели жадный?

— Роберт не ревнует, а переживает, что скоро я не буду нуждаться в его заботе, — мягко ответила Вера. — Он думает, я смогу забыть его доброту? А со своим другом я тебя обязательно познакомлю в следующие выходные. Хорошо?

— Признайся, как тебе с ним?

— Хорошо.

— Нет, я имею в виду не просто «хорошо», а что плохо? И каков он в любви?

Тут Вера растерялась. Она никогда не делилась интимными подробностями своих отношений, но понимала, что после стольких лет эмигрантской дружбы, когда все невзгоды и радости делились пополам, настал её черёд быть откровенной. Подруги стояли у окна кухни, а в это время Дашины гости, не дожидаясь хозяйки, уже усаживались за стол в гостиной, откуда доносились весёлые голоса, смех и песни Аллы Пугачёвой.

Вера скрупулёзно подбирала слова для описания своих чувств к Ронни, чтобы не разрушить их неосторожной речью.

— Знаешь, Даша, я в юности думала, что любовь определяется силой естественного влечения мужчины к своей избраннице, которое приводит к тому, что называют оргазмом. Мне казалось, столь сильное чувство близости между мужчиной и женщиной должно существовать строго в рамках супружества, иначе оно порочно. Настоящая любовь предназначена для создания семьи, для рождения детей, а если такой цели нет, то вместо любви мы имеем просто любовные отношения, которые ни к чему никого не обязывают.

— Я не поняла, ты это о чём?

— Не спеши, Даша, скоро поймёшь. В юности я была убеждена, что переспать с женщиной — это то же самое, что выйти за него замуж. Мне было больно и трудно расставаться с этим убеждением, принимать близость просто как утренний моцион для снятия стресса или как прелюдию к сокрушительному сну. Правда в том, что для меня физическая близость вне брака стала таким редким и вымученным подарком судьбы, что порой стыд немеет... Но у меня с Ронни всё совсем иначе.

— Что иначе? Верочка, уж ты не темни!

Даша от волнения сделала глубокую затяжку, и в её глазах затаился чувственный интерес, который она пыталась скрыть.

— Понимаешь, — продолжала Вера, — любовь к Ронни — это совсем другое, нежели просто вспышка страсти. Я чувствую себя под покровом его любви, даже когда его нет рядом. Это такое трогательное чувство духовного единства, в котором я ещё не могу полностью разобраться. Наверное, это и есть истинная любовь. Одно могу сказать: то, что называют пошлым словом «секс», на самом деле является чувственным и прекрасным дополнением к любви. Это момент, когда соединяются сердца двух людей, предназначенных друг для друга, и они сливаются в одном дыхании, в едином желании принадлежать друг другу... В общем, если любовь — это вкусный многослойный торт, то физическая близость — это даже не кремовая роза, а вишенка на ней. Можно сказать так: если любовь определить как сверкающую хрустальную вазу, то близость — это букет ромашек в ней. Прекрасное в простоте, и простота в прекрасном.

Сказав это, Вера внутренне покраснела. Она не была готова описывать то, что ещё только зарождалось в её душе, и теперь стеснялась собственной открытости. Влюблённая женщина не заметила в глазах подруги лёгкого замешательства, ей просто хотелось побыстрее закончить этот разговор и пройти в гостиную, где уже поднимались тосты за именинника и громко звали его маму.

Как в насмешку, после весёлого дня рождения будни ещё сильнее выматывали Веру. Но она терпела и ждала, пока не настанет долгожданная пятница — день, когда у моря её снова будет ждать её бельгийский герой.

Бывших любовниц не бывает

В тот поздний час вокзал, освещённый редкими фонарями, напоминал заброшенный замок. По пустынному перрону одиноко сновали чайки в поисках отбросов человеческой еды. Они не обращали никакого внимания на редких пассажиров, которых словно сдувал с площади сердитый морской ветер.

Выйдя из поезда последней, Вера тут же захотела нырнуть обратно в тёплый вагон электрички, но двери автоматически закрылись за её спиной. Ей пришлось поспешить к машине, сиротливо стоявшей на привокзальной площади. В спешке Вера раскрыла переднюю дверцу и на миг потеряла дар речи: её привычное место рядом с Ронни было занято крупной женщиной, чья фигура отличалась почти офицерской выправкой.

— Хай, — представилась незнакомка. Она попыталась развернуть широкие плечи к Вере, но так и осталась сидеть в автомобильном кресле. — Меня зовут Иоланта. Я согласилась приехать за вами, хотя дома меня ждут дела.

Извинившись, Вера покорно уселась на заднее сиденье. Всю дорогу до дома она мучительно думала о том, кто же здесь третий лишний.

Иоланта была искренне довольна реакцией Веры на то, что место рядом с водителем оказалось занято. Эта новая русская пассия Ронни ещё не поняла, что обольстилась понапрасну. Иоланта не имела привычки делиться своим мужчиной, который и сам не подозревал, что был насмерть привязан к прежней любовнице — точнее, к своей многолетней привычке быть ею обласканным.

К слову сказать, Иоланта на своём веку уже пережила двух мужей. И пусть бравый Де Гроде в жёны её так и не взял, но из любовников никогда не выбывал. Первый муж Иоланты, мужчина степенный и рассудительный, слова поперёк сказать ей не смел; а как только к другой потянулся, так и порог переступить не успел — помер в одночасье. Со вторым вышло куда канительнее: тот себя в обиду не давал, то драться пытался, то за топор хватался, всё грозился убить Иоланту. Но в итоге помер сам, словно простреленный на лету голубок. Врачи сказали, что приключилась внезапная остановка сердца — такое, мол, часто бывает у заядлых велосипедистов. Но только она, Иоланта, знала, что именно довело её муженька до смертного одра.

Зато с Ронни у Иоланты любовь была крепкая — как-никак, на Библии заговорённая. Фигурой и характером Бог женщину не обидел: в роду у неё все были ладные да справные, а одна из родственниц, тётка по материнской линии, жившая отшельницей, и вовсе слыла колдуньей. Её маленький домик прятался в песчаных дюнах, но дорога к нему была известна всем жителям прибрежных деревень. Тётка Илона могла и приворожить, и кого надо отвадить. Никому не отказывала в помощи, только вот умирала потом в страшных муках. Из-за этого Иоланта долго боялась использовать оставленные ей тёткины заговоры и тщательно скрывала от людей своё родство с ведьмой.

Неспешно проходили годы, ничего не меняя, но пришёл час, когда Иоланте всё же пригодились тайные знания. Ведьминский дар, как когда-то говорила её мамаша, обнаружился у неё ещё в детстве. Сначала Иоланта испробовала колдовскую силу на собственном зяте, кото-

рый после этого и думать позабыл уйти из семьи: ему самому понравилось иметь дома жену, а в любовницах — тещу, ещё ту штучку.

В отличие от своей покойной тётки, Иоланта использовала заговоры исключительно для себя и в строжайшей тайне. Чтобы отвести от своего сердца смертные муки, женщина перед каждым обрядом шла в церковь и просила у священника благословения. Пастор благословлял каждого прихожанина, не задавая лишних вопросов, на какое именно дело. В заключение она проходила обряд причастия и только потом принималась за подготовку к заговору, после проведения которого обязательно ставила свечку за собственное здравие.

Иоланта дорожила отношениями с Ронни, с которым успешно тратила его наследство. Жили они неплохо — если не душа в душу, то рука об руку. Бывало, конечно, погорячится он излишне, прогонит её от себя, но стоило ему остаться одному, как болезнь скручивала беднягу так, что он готов был даром кормить и поить Иоланту, лишь бы она находилась при нём.

Но с появлением Веры заговоры почему-то перестали действовать на Ронни. Эта пришлая русская встала у неё на пути, вынуждая Иоланту быть более изворотливой, чтобы вернуть свою законную собственность. Мужчина может легко пережить уход любовницы, но за машину он будет держаться изо всех сил. Когда-то Иоланта хитростью уговорила Ронни продать его подержанный автомобиль и пересест за руль её практически нового «Опеля», доставшегося ей в наследство от второго покойного мужа. Сделано это было неспроста. И вот теперь пришла пора потребовать от неверного любовника свои права на машину обратно.

«Капот», как приговор

Попытаться уснуть не удавалось. Да и как уснуть, если слова Ронни: «Вера, так это капот!» — имели столь фатальное значение. Рядом с ней сладким сном спал мужчина, который всего месяц назад перед лицом Бога назвал её женой. Вера поверила, уши развесила, а теперь в отчаянии считала минуты до рассвета, чтобы навсегда распрощаться со своей мечтой быть счастливой. Она перебирала в памяти первую встречу с Ронни, те дни, когда поверила в возможность чуда, и вот теперь пришла расплата за недопустимую в её возрасте наивность.

Слово «капот» нельзя было ни переиначить, ни объехать, ни обойти. Оно пришло из далёкого детства и звучало по-фашистски: резко, зло и неотвратимо.

«Моя жизнь для него — чужая территория, куда ему и сунуться боязно. Решено: завтра с рассветом я уеду домой. Но не со щитом и не на щите, а просто без щита, как попрошайка, которую накормили и отправили восвояси».

Утром Ронни привычно пропел песенку про кофе. Вера поблагодарила его за заботу и с чашечкой душистого напитка вышла на балкон, чтобы собраться с мыслями. Невыспавшееся за ночь солнце лениво поднималось над горизонтом, беззастенчиво заглядывая в окна курортников, дабы напомнить им, что лето уже пропело свою прощальную песнь и приближалась осень.

Завтрак на двоих прошёл в гнетущем молчании. Ронни ещё пытался рассказать Вере о какой-то русской Татьяне, которая когда-то приезжала наладить с ним отношения, но Вера разговор не поддержала — она давилась бутербродом, запивая его ставшим вдруг горьким кофе.

Они ещё сидели за столом, когда кто-то позвонил в домофон. Через пару минут на пороге появился довольный собой Роберт. Он приехал навестить Веру, свою любимую социальную уборщицу, и заодно познакомиться с неким господином Де Гроте, возмнившем себя её мужем. А попутно старик решил провести и собственных родственников, обосновавшихся на морском побережье. С приходом гостя за столом стало оживлённее: у Ронни появился собеседник, такой же любитель крепкого кофе.

— Роберт, увези меня домой. Хорошо? — Верина просьба прозвучала тихо, почти как мольба.

Если Роберт не понял её истинной сути, то Ронни сразу насторожился и с удивлением посмотрел на женщину. А Вера уже собирала свои вещички, которые легко поместились в рабочую сумку.

— Вера, я не понял, что происходит? Ты собираешься домой, в Гент? С Робертом? Сейчас, утром?

— Да, если, конечно, Роберт согласится отвезти меня.

— А почему не со мной? Сегодня Иоланта привезёт машину, и я сам могу отвезти тебя. Или ты так соскучилась по детям? Ох, я понял, в тебе заговорил инстинкт, присущий каждой матери, ибо...

Вера встала из-за стола, резко прервав реплику мужчины, которую слышала уже не раз:

— Нет, это не так. Просто ты по своим расчётам определил, что моя жизнь — это «капот». Но этот «капот» — мой, лично мой, и не тебе, а мне надо в нём выживать.

Это не было обычным прощанием, это выглядело полным разрывом отношений. Так сказать, мат без шаха.

Роберт не любил скоропалительных решений, нарушающих его покой заслуженного пенсионера, но отказать Вере не мог, да и не хотел. Она вошла в его жизнь не просто как работница, а как близкий, родной человек, однажды спасший его от одинокой смерти. И теперь он чувствовал себя востребованным, помогая ей выбраться из очередной череды житейских бед.

И вот Роберт едет по старой дороге, ведущей в Гент, от одной деревни к другой, а его пассажирка весь долгий путь трагически молчит, лишь изредка причитая что-то себе под нос. Бегущий за окном пейзаж не приносил Вериной душе ожидаемого умиротворения, она принимала его как данность, которой нет никакого дела до её фатального невезения. Её глубокая печаль расстраивала старика за рулём и мешала ему радоваться воскресному дню. Он протянул Вере бумажные салфетки и ещё раз попытался по-дружески её успокоить:

— Вера, зачем тебе нужны такие знакомства? Твой Ронни — порядочный человек, но ужасный ворчун. Его привычка постоянно жаловаться и судить всех, кроме себя самого, может заразить кого угодно. Ты ведь сама слышала его нытьё. С таким человеком ты никогда не будешь счастлива, зачем и пробовать? Перемены редко приносят удачу... Но не слишком ли ты погорячилась? Хотя я рад, что в тебе наконец заговорил разум. Только я так и не понял: что всё-таки между вами произошло?

— Роберт, давай завтра поговорим. Сегодня я просто хочу домой. Там моя семья, там меня ждут, там мне и умирать.

— Умирать? Умирать надо тоже прилично, от болезни или от старости, а не от непредсказуемых авантюр. И почему ты вообще захотела связать свою жизнь с этим Ронни? И без него бы прекрасно прожили...

Дома Вера ждала только её маленькая внучка Эмили.

— Бабушка пришла! Мне скучно. Я тебя кормить!

Девочка говорила по-русски неправильно, путая падежи, что казалось удивительно милым. Она тянула бабушку на кухню, по которой, судя по всему, Мамай с бандой прошёлся. Вера с ходу приступила к уборке, а Эмили усердно принялась помогать: она изобра-

жала курочку, которая понарошку клевала на полу сухие крошки. Собрав их в ладошку, она приносила добычу Вере, чтобы та «поклевала» тоже. Когда посуда была вымыта, они так же весело принялись готовить обед для всей семьи.

— Бабочка, давай играй? Я люблю играй в домик!

— Эмили, а мне нравится читать книжки.

— Мама люблю книжки. Я не мешай, читай, мама. Бабочка, давай играй!

— Ох, немтырь ты мой неумытый, пойдём руки мыть и на стол накрывать.

На нидерландском языке Эмили говорила гораздо лучше, чем на русском. Как учить девочку родному языку, да и стоит ли, Вера не знала.

За столом вскоре собралась вся семья, кроме Тани. Та ночи напролёт где-то пропадала, иногда туманно объясняя, что гуляла на кладбище, а потом весь день спала, чтобы вечером сидеть в излюбленном углу квартиры и с отрешённым видом грызть до крови ногти.

Вера была довольна: картофельное пюре с котлетами и салат из помидоров удались на славу. Голодные дети ели с аппетитом. За чаем с пряниками ей вдруг нестерпимо захотелось человеческого участия, и она поделилась с ними тем, что произошло:

— Дети, а я ушла от Ронни. Человек он очень хороший, но не наш, и никогда нашим не будет. Зачем обременять его нашими семейными проблемами? Мы и сами как-нибудь провёмся.

Увидев недоуменную реакцию детей, Вера устыдилась собственной открытости и попыталась оправдать саму себя:

— Ронни никогда не был мигрантом, у него совсем другая судьба и другое мышление. В общем, мы расстались для взаимного блага...

— Мама, да не расстались бы вы, если бы ты в очередной раз не сбежала, — бесцеремонно перебила её Катюша и продолжила наставительным, учительским тоном: — В который раз ты просто убегаешь вместо того, чтобы сесть и всё решить. Конечно, твой новый друг — человек неплохой, но зачем он тебе сдался, когда у тебя есть мы, твои дети?

— Так, не учи учёного! — оборвала разговор Вера. — Цыплята курицу не учат. Всё под контролем, а что прошло, то прошло. Витя, как твоё учёба? Что сидишь такой надутый?

— Учёба как учёба... Мам, а у меня твой велосипед украли. Ну что ты молчишь? Я закрыл его на цепь, а цепь просто срезали.

Что тут поделать, в последнее время кража велосипедов в Генте стала делом привычным. Ушлые мигранты воровали технику у одних соплеменников, чтобы перепродать другим, делая на этом неплохой бизнес. Вере было бесконечно жаль велосипед, а Вите — маму, которая хоть и вернулась домой, но выглядела такой грустной, что её очень хотелось обнять.

Когда Катя мыла посуду, а Вера убирала со стола, в комнату вошла Таня. Она опять улыбалась той странной, зловещей улыбкой, от которой у Вере холодело в душе.

— Мама, мне нужны деньги. Я поеду в Россию, к дяде Саше.

Вместо матери девушке резко ответила Катя:

— Танька, да ты на смерть больше похожа, чем на живого человека! Кому ты такая нужна в Калининграде? Тебе здесь, что ли, кладбищ не хватает? Целые ночи между могилами бродишь... Сядь за стол и поешь, а завтра ищи работу. У тебя хотя бы какие-то документы есть, а у нас с Кобой — никаких!

В этот раз Таня послушалась старшую сестру, молча поела и опять ушла в свой угол — считать волоски на руках.

Не рубить сгоряча — трудно. Вечер, между тем, обещался быть приятным. После ужина все собрались перед телевизором. Катя лежала на диване, рядом с ней примостилась Эмили с плюшевой игрушкой в руках. В кресле у окна полулежал Коба, а в другом устроилась Вера, подобрав ноги под себя.

Как только начался фильм, в комнате воцарился долгожданный покой. Катя и Коба в субтитрах не нуждались — они оба хорошо владели английским языком. Вере же было трудно понять происходящее на экране: она успевала прочесть лишь несколько слов из голландских субтитров, из которых лишь малую часть могла быстро перевести на русский. Поэтому понимать сюжет фильма ужасов женщине помогала исключительно интуиция.

В середине картины Вера почувствовала растущее беспокойство, затем — странное недомогание в подложечной области, которое постепенно переросло в отвлечённое, но тяжёлое чувство вины. Она с предельным вниманием всматривалась в экран телевизора, а сама вела напряжённые переговоры с внутренним голосом, которому ничуть не мешали истошные вопли убиваемых на экране актеров.

Голос сердца был вкрадчив, но настойчив:

— Позвони Ронни.

— Это с какой стати? Для Ронни я ничего не значу. В его глазах я глупое создание женского пола, окончательно потерявшее чувство реальности!

— Перестань юродствовать! Позвони! — сердито зашипело сердце уже голосом Верининой покойной мамы, и на душе у женщины стало совсем скверно.

— Позвонить, чтобы кто-то опять спрогнозировал мне очередной «капот»? Да ещё на ночь глядя! Если бы я верила всем этим предсказаниям, то давно бы превратилась в бездомную пьяницу!

— Просто позвони мужчине, который взял тебя в жёны. Ты перед Богом обещала обговаривать проблемы между вами прежде, чем принимать решения.

— А он обещал быть моим мужем, а не анализировать мою жизнь со стороны, как посторонний наблюдатель!

На какое-то время голос примолк. И в момент, когда на экране добрая половина героев оказалась уничтожена неведомой силой, а из всех щелей убежища поползли безобразные паукообразные твари, Вера вновь услышала знакомый шёпот:

— Позвони.

— Нет, нет и нет!

— Мама, почему ты трясешь головой? Если страшно, закрой глаза, как это делает твоя внучка.

Тут Катя запнулась и ахнула, видя, как монстры смакуют внутренности любовника главной героини, и вновь переключилась на созерцание экрана. Эмили же по-настоящему стало жалко испуганную бабушку. Она переползла через маму и крепко обняла Веру:

— Бабичка, у тебя головка болит? Животик? Потрогай мой лобик! Ой, я тоже больной! Мама, дай витаминки, мы с бабушкой очень-очень болели, у нас горлышки болели.

Но Катя не слушала дочь, ей было не до игр в притворялки — на экране в этот момент решалась судьба последнего уцелевшего любителя путешествий в чужие миры. Вместо витаминов Вера с Эмили послушно «полечились» шоколадными конфетами, а фантики прикладывали ко лбу, чтобы быстрее выздороветь. Наигравшись, девочка вернулась к маме на диван и от усталости закрыла глазки.

Вера же снова осталась один на один со своими мыслями, которые имели свойство упрямиться и настаивать на своём:

— Позвони!

— Ну хорошо, позвоню я Ронни, и что я ему скажу?

— Позвони. Ты только позвони, и больше ничего не надо.

К концу фильма Вера решила не изводить себя бесплодной борьбой с голосом неясной природы, а просто подчиниться. Она встала и отправилась на кухню, сжимая в руке телефон. По телевизору начался уже другой фильм, на этот раз комедийный, и на кухне не было никого, кто мог бы отговорить её от этого шага.

Она набрала номер.

— Алло...

Телефон в её руках буквально вздрогнул от ответной радости на том конце провода:

— Как хорошо, что ты позвонила! Это какое-то необъяснимое чудо... Приезжай, приезжай скорее! Последний электропоезд из Гента отходит в двенадцать часов. Мне надо сказать тебе что-то очень важное.

И вновь внутри фейерверком вспыхнула надежда. Через каких-то десять минут Вера уже изо всех сил бежала в направлении вокзала. Она успела на последнюю электричку и, сидя в пустом вагоне, с нетерпением торопила поезд, везущий её навстречу мужу.

В этот раз Ронни ждал её прямо на перроне. Женщина, не раздумывая, кинулась в его тёплые объятия и замерла, наслаждаясь близостью мужчины, который без лишних свидетелей и документов называл её своей женой. Никакая другая мысль, кроме «Боже, как хорошо», не приходила ей в голову.

Позже они сидели, как два голубка, в тёплой квартире Де Гроуте, пили кофе без кофеина и давали себе шанс наконец-то понять друг друга.

— Я был сам не свой, когда ты ушла. Почему ты это сделала, оставила меня одного? Что вообще значит этот твой «капот»? Я ведь говорил вовсе не о наших отношениях. Я предупреждал о твоём возможном финансовом крахе исключительно для того, чтобы его не допустить!

— И это то важное, что ты хотел мне сказать? — спросила Вера, с трудом подавляя разочарование.

Ронни тут же оживился, его глаза заблестели той таинственной зеленью, которая завороживала Веру ещё на первом свидании:

— Весь день я мучился, ибо искренне не понимал, в чём перед тобой провинился. А к вечеру зазвонили церковные колокола, и мне вспомнилось, с каким воодушевлением мы шли с тобой в храм на прошлой неделе. Я изменил своим многолетним правилам и тоже отправился на вечернюю службу — заметишь, совершенно добровольно! В церкви я оказался единственным, кому потребовалась поддержка Господа. Тот же пастор, который благословил наш союз, после окончания службы спросил о тебе. Я честно рассказал, что ты покинула меня, бросив на прощание что-то про «капот», и что теперь я сам не знаю, в каком статусе нахожусь: то ли разведён с тобой, то ли ещё нет. Не ручаюсь, что наш старый пастор до конца понял мои путанные объяснения, но он нисколько не сомневался в том, что я должен набраться терпения и ждать. А ждать я не умею: мне нужно либо всё, либо никак! Я уже собрался уходить, как он окликнул меня у дверей и сказал: «Она позвонит тебе». «Когда?» — поинтересовался я. «Скоро», — ответил он. И стоило мне подойти к выходу, как вдруг зазвонил мой телефон. Это была ты, моя жена. Я люблю тебя. Не делай так больше, не выпадай из моей жизни.

— Ронни, я думала, что совершенно тебе не подхожу... Но я услышала голос сердца. Он буквально заставил меня набрать твой номер, хотя я долго сопротивлялась, потому что...

Тут Ронни обнял её — трепетно и одновременно сильно, словно она была редкой заморской птицей, которая испуганно билась в его руках, стремясь вырваться на свободу и не зная, что у неё сломано крыло.

Этот момент сладостного забвения прошёл быстро, так как Вера, вновь оказавшись в стенах дома, из которого утром уехала, как ей казалось, навсегда, вспомнила свою обиду:

— Ты ведь сам меня выгнал!

— Я?!

— Да, ты. Ты так подробно и красочно расписал моё будущее, в котором не было ни малейшего шанса на спасение. Пойми: если я в это поверю, то спасения и впрямь не будет! Я уже давно так живу. Каждый раз, когда привычный мир рушится, начинается новый старт, надо только дожидаться его и верить в помощь Бога. А ты мне хладнокровно предсказал, что все мои усилия напрасны. Я ведь могла в это поверить, и тогда точно — капот.

Они продолжили этот разговор, сидя за круглым столом с чашками горячего кофе.

— Вера, пойми, я просто обязан быть честен с тобой. Я ведь не выдумал твою жизнь, не приписал ничего от себя. Я прав: ты не сможешь содержать такую большую семью на скромную зарплату уборщицы.

— Но тебя это совсем не касается! У тебя есть всё, что тебе нужно в этой жизни, и обременять тебя своими проблемами я не собираюсь. Пойдём спать, я очень устала.

Последнее предложение прозвучало так сиротливо и печально, что сердце мужчины сжалось от непривычного ему доселе чувства острой жалости.

— Ты моя жена. И не просто жена, а любимая женщина. Ты ушла — и мне показалось, будто моя собственная жизнь закончилась. Я не хочу тебя терять. Как ты могла подумать, что я оставлю тебя и твою семью погибать? Я к вашим услугам, госпожа моего сердца.

Такой романтики Ронни сам от себя не ожидал, поэтому добавил совсем тихо:

— Не волнуйся, мы обязательно что-нибудь придумаем. Но это будет завтра. А сейчас иди ко мне, я так соскучился.

На следующее утро план по спасению Вериной семьи был готов. Ронни твёрдо решил с понедельника искать работу как трудоспособный пенсионер, чтобы своими силами предотвратить финансовый крах семьи своей любимой жены.

Женская дружба.

Позавтракав, Вера предложила Ронни навестить её подругу. Она уже давно хотела познакомиться с Дашей — но не для того, чтобы услышать её мнение, а чтобы Ронни органично влился в их тесный женский круг, став в нём своим человеком, Вериным мужем.

День прошёл замечательно. Такие дни можно было бы заносить в специальную книгу отзывов и пожеланий, если бы таковая имела у Вериной судьбы. Даша встретила гостей с тем неподдельным радушием, от которого хочется пить ещё до первого тоста. Стол был накрыт с истинно русским гостеприимством, и от обилия и разнообразия блюд Ронни поначалу даже растерялся. Незнакомая кухня его явно настораживала, и Вере то и дело приходилось незаметно толкать его ногой под столом, чтобы он не огорчал хозяйку своими сомнениями в съедобности того или иного угощения.

Впрочем, Даша подобных мелочей в поведении гостя не замечала, поскольку была совершенно очарована обаянием Ронни. Весь его вид внушал глубокое доверие, которое подкреплялось не только умными речами и тонкими шутками, но и ослепительной белизной его фирменной рубашки. На её фоне бриллианты и золотые украшения на Вериных пальцах, запястьях, шее и груди сверкали ещё солиднее. Видя столь явное благорасположение подруги к Ронни, Вера пребывала в состоянии затянувшегося счастья, на фоне которого идея познакомиться его со своими детьми уже не казалась поспешной.

После визита к Даше незаконная супружеская чета отправилась в дом к Вере, где их, правда, никто особо не ждал. Кобы дома не было: в последнее время он целыми днями пропадал у друзей, а возвращался только к ужину, что вполне устраивало всех, включая саму Катю. Катя, как старшая из детей, вежливо поздоровалась с маминым другом, но в её взгляде читалось лишь сдержанное любопытство.

К приходу гостя Витя отнёсся с напускным равнодушием, за которым едва скрывалась глубокая тревога за мать. Ненависть к бывшему маминому «другу» — инвалиду, за которым она когда-то взялась ухаживать ради получения вида на жительство, — до сих пор отравляла юноше душу. За общим столом Витя ел молча, не пытаясь скрыть неприязни к незнакомцу, которого мать представила как своего бельгийского мужа.

Тане же новые увлечения матери были глубоко безразличны. Она жила в своём собственном замкнутом мире — мире духов и душ покойников, которые, как ей казалось, понимали её куда лучше живых и не докучали нравоучениями. Если бы этот ухоженный толстяк в белой рубашке и с золотым браслетом дал ей денег на очередную дозу, это было бы очень кстати, но подле него, как приклеенная, постоянно находилась мама.

За окном быстро густели сумерки. Наступило время расставания, и Ронни с Верой сознательно оттягивали этот момент. Дети разошлись по своим комнатам, занимаясь делами, а они сидели друг напротив друга за столом в тускло освещённой кухне и молчали, каждый думая о своём.

— Вера, я должен тебя предупредить, — негромко нарушил тишину Ронни. — Так уж устроена жизнь, что лучшая подруга чаще всего изменяет тебе с твоим же мужем.

— Это ты о ком? О Даше? — встревожилась Вера.

— И о ней тоже. Понимаешь, в женской дружбе существует негласный закон делёжки. Одинокие подруги привыкли по-родственному делить друг с другом всё: беды, радости, детей, родителей... И совершенно естественно, что, когда у одной из них появляется мужчина, второй подсознательно хочется получить его себе.

— Какая глупость тебе в голову приходит! Брось ты это! Даша — моя верная подруга, ты просто её не знаешь!

— Вера, в том-то и дело, что я слишком хорошо знаю женщин.

— А Даша не входит в число твоих привычных женщин! Она сама мне говорила, что никогда не предаст подругу из-за мужчины. Так-то. Я не позволю тебе даже намёками порочить мою Дашу. Она помогала мне в самые тяжёлые времена. А где был ты, когда я ногу сломала?

— Вера, я просто тебя предупредил. Давай закроем эту тему, — мягко примирительным тоном ответил Ронни. — Ведь ты моя единственная женщина, в которую я, как дурак, влюбился.

— А как умный ты, значит, не мог?

Ронни негромко рассмеялся и стал собираться в дорогу. На прощание он твёрдо пообещал за неделю найти подработку.

Не успела за ним закрыться входная дверь, как зазвонил телефон — это была Даша. Она восторженно поздравила Веру с тем, что в её жизни наконец-то появился настоящий, стоящий мужчина. Вера отнекиваться не стала и в ответ тепло обнадежила подругу, сказав, что и к ней скоро придёт её счастье, оно уже не за горами. Пожелав друг другу спокойной ночи, подруги разошлись по постелям. Вера привычно легла на матрас в углу зала, а Даша опустилась на роскошную двуспальную кровать в своей спальне. Но обоим долго не спалось.

Вера тихонько ворчала про себя: ей была неприятна внезапная подозрительность Ронни. Засыпая, она оставалась абсолютно уверенной, что пройдёт совсем немного времени и он сам убедится в преданности её близких. Вскоре она уже видела десятый сон.

У Даши же сна не было ни в одном глазу. Она лежала на спине на новом воздушном матрасе, откинув одеяло, и буквально не находила себе места от роящихся мыслей. Она то и дело ворочалась с боку на бок, а её воображение упрямо крутилось вокруг мужчины, которого Вера называла мужем. В окно навязчиво светила полная луна, её яркий свет тоже мешал забытию. Даша периодически выходила на кухню покурить, но никак не могла накуриться.

В компании дымящейся сигареты она до мельчайших подробностей восстанавливала в памяти каждый взгляд Ронни, каждую его мимолётную улыбку, усматривая в них скрытое влечение к себе. С самого первого мгновения Даша внушила себе, что они с Ронни созданы друг для друга. Теперь её ночное воображение услужливо рисовало яркие эпизоды их будущей страстной, безумной любви, которую невозможно было сравнить с каким-то там «тортом с кремовыми розами». Их трепетное прощание в коридоре, когда Даша, слегка приподняв рукой грудь, доверчиво прижалась к мужчине, показалось ей верным залогом грядущего счастья. И только его очки, висевшие на цепочке на мужской груди, немного мешали полноте этой воображаемой близости. Возбуждённая женщина была свято уверена: добрая Вера рано или поздно сама уступит ей место подле Ронни, ведь такому мужчине нужны настоящие, горячие женщины, а не скромные «ромашки в вазе».

Зато сам Ронни в эту ночь спал как никогда крепко и безмятежно — у него наконец-то появилась сильная мотивация снова начать работать.

Подруга Даша

Всю последующую неделю Де Гроте исполнял своё обещание найти достойную подработку, чтобы обрадовать русскую жену. Неплохим выбором казалось место шофёра школьного

автобуса, в обязанности которого входила доставка ребят из соседних деревень на занятия по утрам и развозка их по домам после уроков. Платить обещали прилично.

Чтобы дать окончательное согласие директору школы, мужчина отправился за консультацией в банк. Там выяснилось, что, работая водителем, он заработает семь тысяч евро в год, но из них пять тысяч уйдёт на оплату налогов, так как процентная ставка на его суммированный годовой доход резко возрастет. Глупо было начинать заведомо невыгодное дело, и теперь оставалось лишь убедить в этом Веру.

По субботам Вера по-прежнему приезжала к Ронни, чтобы вечером в воскресенье возвращаться обратно к детям. Однако постепенно её поездки к морю теряли былую романтическую привлекательность. Ронни больше не встречал её на вокзале, ссылаясь на Иоланту, которая под самыми разными предлогами задерживала машину у себя. Поэтому Вере приходилось добираться к любимому на трамвае.

В ту субботу серое Северное море крайне недовольно ворчалось, пугая прибрежную полосу крутыми волнами, накатывавшими на набережную, а полупустой трамвай катился себе вдоль побережья как ни в чём не бывало. Вера удручённо смотрела в окно и мёрзла — но не от сквозняков, со свистом гулявших по салону, а от собственных горьких мыслей. Покоя ей не давало воспоминание о том, что на неё подняла кулак младшая дочь.

Это случилось в четверг, когда Вера попросила Таню не блуждать где попало по ночам, а спать в своей кровати, как все нормальные люди, и в ответ получила удар кулаком в грудь. Девушка готова была и дальше добивать мать ногами, но тут её за шиворот поднял Коба и на вытянутой руке вынес на летнюю площадку. За этот сугубо мужской поступок Вера была бесконечно благодарна зятю. Надо сказать, за последние дни она всё меньше и меньше думала о счастливом будущем. Да и зачем загадывать о каком-то иллюзорном счастье, когда на свете, кажется, нет такой силы, способной воскресить полумёртвую жизнь в эмиграции.

Было уже темно, когда трамвай доставил Веру к месту назначения. Выйдя на знакомой остановке, она сразу попала под холодный ливень, моментально промокла, как савраска, и поспешила к дому, где её с нетерпением ждал тот, кто ещё называл её женой. Дрожа от холода, она вошла в квартиру и замерла у раскрытой двери в комнату. Там, рядом с раскрасневшимся Ронни, по правую его руку, сидела довольная собой моложавая Иоланта. Перед ними дымились чашки с кофе.

— Садись ужинать, дорогая, — засуетился Ронни. — Я сейчас подогрею суп, который Лилиан в кастрюльке принесла.

— Лилиан?

— Ах, это соседка, бывшая любовница нашего Ронни, что живёт этажом выше, — развязно ответила на Верин вопрос Иоланта и язвительно добавила: — Уверяю вас, от супчика Лилиан вы не станете толще. Правда, дорогой? А вы присаживайтесь, Ронни уже давно вас поджидает, котлетки в соусе потушил. Вы любите котлетки в соусе? Ронни, соус ты сделал по моему рецепту? Дорогой, поторопись, Вера хочет кушать.

От такого приветствия любой кусок в горло не полезет, но соблюдать мало-мальский этикет — дело принципа. Вера встала в позу препротивной дамы, гордо вскинула голову и обратилась к Иоланте:

— Спасибо за вашу заботу, но я не могу сесть за стол только потому, что вы заняли моё привычное место. Я прошу вас пересесть.

Иоланта обиженно взглянула на Ронни, но тот уже демонстративно крутился у плиты. Тогда она демонстративно отодвинула от себя кофейную чашку и принялась собираться домой.

— Дорогая, ты уже уходишь? — окликнул её Ронни. — Будь добра, оставь на столе ключи от машины и от моего мобильного телефона. Кстати, спасибо за нижнее бельё, которое ты постирала. Сколько я тебе должен?

Иоланта раздражённо бросила ключи на стол и, оставив вопрос бывшего любовника без ответа, зашагала к лифту. А перед Верой уже стояла чашка горячего супа и тарелка, где отварная картошка и котлеты были щедро политы луковым соусом. Суп Вера даже не попробовала, а вот картошка с мясом пришлись ей по вкусу. Наступившая сытость наконец-то расположила к спокойному разговору.

— Ронни, ты сейчас назвал Иоланту «дорогой»! Это ли не странно?

— Дорогая, это вышло совершенно случайно.

— Если это вышло случайно, то впредь я прошу тебя неслучайно называть меня по имени. Родители дали мне имя Вера, и это имя мне очень нравится.

— Мне тоже, — поспешно поддакнул Ронни и принялся в очередной раз рассказывать ей о своих бесплодных попытках найти работу.

В тёплой квартире Вера окончательно отогрелась и занялась поиском подработки для мужа, свято уверенная, что через интернет можно найти всё что угодно. Однако от её интенсивных манипуляций компьютер вдруг резко отключился и больше не подавал признаков жизни. Все попытки Ронни реанимировать технику оказались тщетны. Остаток вечера проходил так, словно его пытали, а он отчаянно не сдавался. Ронни монотонно и долго жаловался на злую судьбу, на постоянные неудачи и, конечно же, на сломанный компьютер, который теперь придётся выбросить на свалку. Вера виновато слушала, мысленно коря собственную невезучесть.

Хорошо, что перед сном мужчина, как пострадавшая сторона, открыл коробку фирменного шоколада пралине, дабы хоть как-то утешиться. От сладкого угощения им обоим захотелось скорее уснуть, чтобы быстрее наступило мудрое утро другого дня, в котором сломанный компьютер чудесным образом снова заработает.

Перед тем как отправиться на боковую, Вера подкинула мужу новую идею:

— Давай не будем отчаиваться. Ведь наши русские мигранты даже без паспортов и документов умудряются в Бельгии неплохо зарабатывать. Попробуй и ты дать объявление для одиноких старушек, которые живут далеко от супермаркетов. Ты мог бы возить их на машине за покупками. Эта услуга вполне может быть платной.

— Ты предлагаешь мне работать «по-чёрному»? — изумился Ронни. — Отлично, если попадёмся — сядем вместе! В понедельник я обязательно дам объявление в газету. Ну а завтра мы с тобой отправляемся в Голландию — есть жареную рыбу из свежего утреннего улова! А ты правда хочешь спать? Должен признать, ты действуешь на меня как электрошок. Кто бы знал, как я умудряюсь скушать по твоим сумасшедшим идеям...

Кто-то выбирает, а кто-то подбирает

Воскресное утро. Вере так хотелось продлить блаженство пробуждения в тепле мужской нежности, но от ярких лучей восходящего солнца невозможно было укрыться даже под пушистым одеялом.

— Я пойду готовить кофе, а ты поспи ещё немного. Я люблю тебя.

Словно в противовес нежным словам Ронни, вдруг оглушительно затрезвонил Верин телефон.

— Ой, Даша, с добрым утром! Нет-нет, мы уже не спим. Что мы будем делать? А ты угадай! Не напрягайся, всё равно не угадаешь. Ронни собрался везти меня в Голландию, в рыбный ресторан прямо на побережье!

Дашин голос выразил самую искреннюю радость за подругу:

— Верунчик, ты заслужила эту поездку! Мы туда когда-то ездили с Людвигом, там так вкусно жарят рыбу прямо с привоза, в маленьком ресторанчике на самом причале. Но где теперь мой Людвиг — хрен его знает. Мы столько раз хотели тебя с собой взять, да тебе всё некогда было.

Вера не припоминала, чтобы Даша с Людвигом хоть раз приглашали её в Голландию, но спорить не стала. Последние годы она действительно прожила словно в глухом изгнании.

После разговора с подругой настало время завтрака. Ронни священнодействовал над нарезкой хрустящего батона, следя, чтобы толщина ломтиков не превышала двух миллиметров, а Вера увлечённо рассказывала ему про Дашу и её несказанную доброту.

Однако отведать свежей жареной рыбы в этот день им так и не пришлось. За завтраком опять позвонила Даша, но на этот раз — слёзно прося о помощи:

— Верочка, я так нуждаюсь в совете знающего автотехника, как твой Ронни! Не мог бы он помочь нам купить машину? Мой сын спит и видит марку «Ауди», и мы только что нашли подходящее объявление в газете. Сегодня выходной, а завтра мне уже на работу. Деньги у меня есть — ну, ты знаешь, у меня ведь квартира в Алма-Ате осталась. Без машины нам никак нельзя, но я смертельно боюсь ошибиться или наткнуться на обман... Я понимаю, что мы собрались в Голландию рыбку поесть, и зачем тебе мои проблемы...

— Даша, какая к чёрту рыба, пусть даже самая свежая! Надо покупать машину, пока горячо! — горячо перебила её Вера. — Не волнуйся, Ронни тебе обязательно поможет! Он у меня добрый и очень любит давать дельные советы.

Кому понравился бы подобный расклад вещей: когда предвкушаешь поездку к морю и жареную рыбу, а тебе внезапно предлагают отправиться на другой конец страны, дабы помочь подруге любимой женщины в выборе подержанного автомобиля. Надо сказать, Ронни долго не привередничал. Его больше раздражало слепое желание Даши угодить сыну покупкой престижной «Ауди», которую, по его мнению, покупали исключительно ради того, чтобы хвастаться перед соседями внутренним убранством салона.

Сборы были короткими, и уже через час автомобиль Де Гроате плавно остановился у порога Дашиного дома. Когда Даша вышла из подъезда, Вера испытала лёгкую неловкость от того, что сама сидит на почётном месте рядом с водителем. Её подруга выглядела куда более великолепно, чем требовалось для обычного потенциального покупателя подержанного авто. Если Вера в своей простенькой оранжевой курточке выглядела так, словно могла хоть сейчас заступить на ночную смену по уборке, то Даша казалась моделью из глянцевого журнала «Кому за сорок». Спадающий книзу чёрный кожаный плащ был расстёгнут, он элегантно лежал на высокой женской груди, обтянутой чёрной блузкой, и открывал соблазнительный вид на стройные колени. Короткая юбка тоже была из мягкой кожи, как и высокие сапоги на изящном каблуке. Образ гламурной красотки прекрасно дополняла причёска: локоны шоколадного цвета волной ложились на плечи и томно падали на глаза, придавая Даше интригующую, меланхоличную загадочность. Её сын Алик, стильный парень, не мог скрыть волнения перед покупкой и с удовольствием устроился на заднем сиденье вместе с матерью.

После двухчасовой езды компания наконец добралась до места, где была выставлена на продажу машина. Автомобиль стоял на парковке под уличным фонарем. Время для купли-

продажи было уже слишком поздним, поэтому решили продавца пока не беспокоить и ограничиться внешним осмотром. От одного вида машины Алик пребывал в полнейшем восторге, что откровенно раздражало Ронни. Он искренне не понимал, как можно в столь серьёзном деле слушать сопливых юнцов, и упрямо пытался втолковать Даше, что внешний лоск транспортного средства никогда не является гарантией надёжности его мотора.

Хотя поездка, по сути, прошла вхолостую, на настроении водителя это никак не сказалось. Ронни, довольный тем, что Алик не получил дорогую игрушку сию же минуту, весело шутил. Между делом он уже вовсю хвастался Даше фотографиями в своём телефоне, где сидел за штурвалом легкомоторного самолёта, показывал огромный автодом, который был давно продан сразу после ухода Лилиан, и яхту, купленную когда-то с рук в угоду капризам Иоланты. С яхтой Ронни, к слову, простился быстро: сначала прилично вложился в её дорогостоящий ремонт, но в море выходить так и не стал — не по душе ему оказались морские прогулки, — и отдал судно в чужие руки практически задаром.

Даша с неподдельным интересом разглядывала снимки и слушала бахвальство Ронни о его бывшей роскошной собственности с особым, притворным энтузиазмом. Вера мимоходом заподозрила, что подруга, которой крайне плохо давался нидерландский язык, явно не различала в его речи, где говорилось о далёком прошлом, а где — о настоящем. Однако уточнять это различие времён Вера не стала.

По дороге обратно Ронни остановился на заправке. Но не успел он заглушить мотор, как из салона выскочила Даша и стремительно метнулась в дальний тёмный угол заправочной станции. Вера бросилась ей вдогонку, совершенно не понимая, что происходит. Подойдя ближе, она окончательно растерялась, услышав протяжные, горькие всхлипы подруги.

— Дашенька, что случилось? Почему ты плачешь?

Ответа не последовало. Даша, отвернувшись, лишь отчаянно пыталась сдержать рыдания.

— Ты такая красивая сегодня, выглядишь так модно и эффектно, — принялась утешать её Вера, как умела. — А я в своей дурацкой оранжевой курточке — как пугало огородное, только без огорода. Ох, Даша, какая же ты всё-таки красивая, просто загляденье!

— Правда? — Даша обернулась, вытирая слёзы.

— Конечно! Ты прекрасна, спору нет. Твой длинный плащ, кожаная юбка и сапоги просто неотразимы! С тебя прямо сейчас можно фотосессию снимать. Подожди, может, ты попутно собралась на дискотеку, а мы с Ронни тебя задержали?

Даша грустно, едва заметно улыбнулась и крепко обняла свою «догадливую» подругу, которой было даже невдомёк, что она занимает её, Дашино, законное место рядом с Ронни. И что Ронни теперь вынужден из одной лишь жалости к благоверной отказываться от истинного счастья с ней, Дашей. Как же поспешны и слепы бывают столь благородные мужчины в своём выборе женщин!

— Всё хорошо, Верочка, меня просто укачало в дороге немного, — тихо выдохнула Даша. — Пойдём скорее к нашим мужчинам, а то уедут без нас.

Быстро прошёл выходной день. Перед тем как отправиться в обратный путь к морю, Ронни решил выпить кофе у Веры. Кофе в её доме оказался растворимым и очень невкусным, но он пил его молча, даже не думая, что именно пьёт.

— Дорогая, я всё решил! — неожиданно обратился он к Вере, ставя чашку на стол. — Мне тяжело с тобой расставаться, переезжай ко мне? Это плохо — жить по отдельности. Это не семья, а какая-то вечная игра в кошки-мышки.

— Ронни, мне трудно это даже представить, — всплеснула руками Вера. — давай пока не заглядывать вперёд, дай мне время привыкнуть, что ты есть у меня.

— Согласен, — твёрдо прервал её мужчина. — Я к тебе никогда не привыкну, я тебя люблю и буду любить всегда, но торопить не буду. А с Нового года мы будем спать вместе каждую ночь. И точка.

— Я согласна просто любить друг друга, и уповать на Бога, а остальное со временем приложится, — тихо ответила Вера, и нежно обняла любимого мужчину.

В этот интимный момент громкий телефонный звонок бесцеремонно прервал их беседу. Звонила Даша.

— Верочка, Ронни ещё не уехал? Ох, глупая я женщина! Ведь я совершенно забыла пригласить вас к себе, а стол-то у меня был накрыт ещё с самого утра! Пусть он заедет ко мне на минутку, я ему в дорогу со стола гостинцев соберу, не пропадать же добру.

— Даша, Ронни уже буквально в дверях стоит, отправляется домой, — мягко ответила Вера. — Ох, как бы мы аппетитно поели у тебя, но мы, к сожалению, уже плотно поужинали. Так что не волнуйся, от голода в дороге он точно не пропадёт, а твою заботу и то, что его ждал накрытый стол, я ему обязательно передам.

Позже, уже укладываясь спать, Вера поймала себя на странной, мимолётной мысли: а ведь Даша, похоже, готовила этот праздничный стол исключительно для одного Ронни... Однако эта догадка как пришла в её голову, так и послушно ушла. Нельзя, грешно сомневаться в верности лучших друзей.

Первые заработки

Началась рабочая неделя. В понедельник Ронни подал объявление в газету, а уже через день после публикации звонил Вере с радостной новостью:

— Дорогая, сегодня я отвозил одну даму в магазин! Как ты думаешь, сколько денег я положил в карман за часовую поездку?

— Я думаю, евро пятьдесят?

— Дорогая, не пятьдесят, а целых триста пятьдесят лежит в кармане моей рубашки!

— Ого, так много!

— Поэтому в выходные мы отправляемся на автодоме в горы!

— Ронни, а Эмили с собой возьмём?

— Какой разговор, конечно! Она, надеюсь, в памперсах уже не нуждается?

В пятницу, сразу после работы, Вера отправилась к морю в приподнятом настроении лягушки-путешественницы. Утром следующего дня Ронни с гордостью демонстрировал ей

свой мобилом. Женщина пришла в полный восторг от комфортабельности миниатюрного домика на колёсах, в мыслях она уже вовсю бороздила на нём Европу... Но мечтать долго не пришлось. Ронни завёл мотор, тот, пробурчав немного, заглох намертво. Приехали.

— Такое могло произойти в одном случае из десяти тысяч! Мотор заблокирован намертво! В четверг всё было нормально, а тут... Вера, мотор заклинило, мы никуда не едем! Сначала компьютер, теперь мобилом...

На некогда пышущего здоровьем мужчину было страшно смотреть. Его бледность отличала каким-то пепельным оттенком, взгляд остановился на вазе с розами, которые он всего день назад подарил Вере. Вернувшись в квартиру, от фатального невезения Ронни безвольно опустился в кресло-качалку, словно пытаясь спрятаться от этого жестокого мира.

И что оставалось делать Вере в его доме? Она физически чувствовала себя той роковой дамой, от которой исходят все несчастья, но не сбежала с места преступления — хотя бы потому, что его не совершала.

— Так, Ронни, ты заводил мотор в четверг, и в четверг он работал исправно. Это очень хорошо. А теперь скажи, кто заходил в мобилом последним?

— Иоланта. Она мыла холодильник в караване, а ключи только вчера вернула.

— Выходит, мотор работал хорошо, ты отправился домой, а Иоланта осталась домывать холодильник. А когда управилась, то воспользовалась правом обиженной бывшей любовницы и... подсыпала сахар в бензобак. Вот мотор и заглох.

— Дорогая, при чём здесь сахар?

— Сахар при том, что это месть брошенной женщины.

— Всё гораздо сложнее, Вера. Такое случается с техникой, но лишь в самых редких случаях. И зачем Иоланте портить мотор?.. Всё словно сговорилось против меня: компьютер полетел, двигатель заклинило, машину теперь нужно ставить на капитальный ремонт.

Тут Вера сама придумала благовидный повод срочно вернуться к детям, и Ронни, даже не возражая, отвёз её на вокзал.

Прошло две недели. Ронни активно осваивался в новой должности мужчины на побегушках у богатой дамы, которая столь легко платила за одноразовую поездку в магазин триста Driven евро. Жозефин жила в полном одиночестве на роскошной вилле посреди обширных сельскохозяйственных угодий, унаследованных от покойного мужа. Поля сдавались в аренду, а вот управляться по дому вдове было некому — огромный особняк отчаянно нуждался в крепких мужских руках. И Ронни с его колоссальным опытом строителя, сантехника, механика и электрика пригодился ей как никогда. Тем более что оплачивался его ненормированный труд не по часам и не по сдельно-премиальным расчётам, а исключительно по барской щедрости хозяйки виллы.

Веру уже тогда уязвлял тот факт, что Ронни стал часто забывать звонить ей в обеденные перерывы, дабы просто отчитаться о проделанной работе.

— Дорогая, если так пойдёт дело, — хвастался он ей, когда она приезжала на выходные, — то скоро я смогу полностью отремонтировать машину. А там мы сможем отправиться в Германию, на реку Мозель, где в это время как раз проводятся праздники виноградарей. Как же добра ко мне Жозефин!

Вера с горечью замечала, что её тяжкие финансовые проблемы больше не входят в жизненные планы мужа. Его искреннее восхищение щедростью Жозефин делало её куда более несчастной, чем она была до встречи с ним, но Ронни этого упорно не замечал.

— Дорогая, это просто чудо! — спешил сообщить он Вере по телефону. — Я только заикнулся Жозефин, что у меня заклинило мотор в мобиле, так она сразу вызвалась заплатить за новый двигатель! Если бы всё было так просто, я бы сразу согласился, но мотор итальянский, пока его привезут — весь сезон сбора урожая на Мозеле пройдёт. Да уж, неудачи не приходят поодиночке.

На третьей неделе Ронни позвонил всего дважды. В первый раз — чтобы в очередной раз восторженно напомнить, какая Жозефин удивительно благородная женщина:

— Дорогая, я только заикнулся о том, что не смогу больше возить её по магазинам, так как нужно срочно ставить мою легковушку в мастерскую. Так Жозефин тут же спросила: «Сколько?» «Что сколько?» — переспросил я её. «Сколько стоит срочный ремонт?» Я честно признался, что этот ремонт обойдётся мне в тысячу евро. И она тут же положила перед лицом пачку купюр! Так что, жёнушка моя, собирайся! Скоро я повезу тебя на Мозель, будем бродить между виноградниками и пить прекрасное вино.

А во второй раз он позвонил, чтобы... попрощаться. На отремонтированной машине в долину реки Мозель он повёз вовсе не Веру, а свою Жозефин. Оказалось, щедрая вдовушка уже заказала на виноградном курорте роскошный номер на двоих в пятизвёздочном отеле с бассейном и видом на реку.

— Ведь ты же не возражаешь, Вера? И как я мог отказаться сопровождать Жозефин в пути, ведь она так добра к нам!

Какой, к чёрту, виноград может быть в самом начале декабря? Такой же примороженный, как и Верина любовь на её новом, горьком этапе. Тоскливо и страшно чувствовать себя покинутой женой — хотя женой она, строго говоря, была нелегально.

Чтобы окончательно не раскиснуть, Вера после изнурительной работы истязала себя на фитнесе. С каплями пота обильно сливались её не менее солёные слёзы. Она принципиально не собиралась телефонными звонками тревожить Ронни и его богатую вдовушку, которая так стремительно и легко исправляла на своём пути всё, что сломалось при Вере. Только компьютер в Верином доме как был, так и оставался безжизненным.

Женщина как могла скрывала от детей свою сердечную боль, но их, по правде говоря, нисколько не интересовала её судьба. Катя подрабатывала в частном отеле, Коба неизвестно откуда приносил деньги, которые мгновенно тратились. Они жили исключительно своей жизнью: обожали маленькую дочку, ходили в гости, а однажды решили по вечерам записаться на курсы нидерландского языка.

Когда Вера возвращалась с работы и от дикой усталости буквально не чувствовала ног, она сразу покорно вставала к плите. Катя, как старшая дочь, лениво пересказывала новости за день. Особенно пугали известия про Таню, от которых у Веры начинала раскалываться голова, а от полного бессилия что-либо изменить опускались руки.

Однажды после ужина Катюша всё же решилась рассказать матери, что приходили полицейские. Оказывается, соседи пожаловались на Танино поведение — та повадилась курить травку прямо в подъезде.

— Твоя Танька ненаглядная по ночам чёрт-где бродит, — наставительно говорила Катя. — Твердит, будто нашла какое-то спокойное место, чтобы разговаривать с духами. Приходит домой голодная и бесцеремонно отбирает еду у маленькой Эмили... Мой босс противный, ску-

пой как чёрт, всегда найдёт причину высчитать деньги из зарплаты. Мама, не защищай его, я сама прекрасно понимаю, что надо ценить то, что имею, знаю, что другую работу мигрантке так просто не найти... А что делать с Витькой? Его же просто не узнать! Учиться не хочет, постоянно огрызается, а ты его на какой-то горнолыжный курорт с богатыми отпрысками отправляешь, хотя в доме ни копейки денег нет. Мама, ты можешь на выходные посидеть с Эмили? Нам с Кобой нужно срочно куда-нибудь съездить, развеяться.

Вера лишь молча кивнула в знак согласия и отправилась в зал, где за ширмой лежал её любимый матрас — единственное место, где можно было забыться до самого утра.

Так проходил день за днём. Таня привычно уходила в себя, собираясь навсегда уйти из дома, но почему-то не уходила. Витя тихо, но глубоко завидовал своим богатым школьным друзьям, чьи дома нисколько не походили на его убогое жилище, где до него никому не было дела. Коба с Катюшей и маленькой Эмили занимали большую спальню, а в маленькой комнатухе на тесных складных койках спали Витя с Таней. Надо сказать, что Коба всегда держался обособленно: выходил из комнаты только к ужину, ел молча, добавки никогда не просил и, поев, всегда вежливо благодарил Веру.

В последнее время русские подруги к ней в гости больше не приходили, звонили крайне редко, и то исключительно по делам. Как-то раз Даша по телефону мимоходом сообщила, что среди мигрантов появился некий Володя — компьютерный гений, который отлично разбирается в технике, может устранить любую поломку и много за свой труд не берёт.

В тот же день Вера еле дождалась обеденного перерыва, чтобы позвонить Ронни в Германию, где он увлечённо сопровождал свою щедрую работодательницу, и сообщить ему эту хорошую новость насчёт его сломанного компьютера.

— Ронни, это я.

— Я слушаю. Что случилось? — голос мужчины в трубке звучал подчёркнуто официально. Он больше не называл её ни «дорогой», ни «женой».

День Рожденье

В тот год её день рождения выпал на воскресенье. Праздничный стол накрывали всей семьёй. В самом центре дымилась большая сковорода с поджаренной картошкой — только Кобе удавалось приготовить её так вкусно, что это простое блюдо давно прослыло их главным семейным деликатесом.

Даша принесла бутылку красного вина и коробочку духов. Катя приготовила салат оливье. Таня нарисовала трогательную картинку с утятами, где под одной кривой уточкой красовалась размашистая надпись: «Это моя мама». Витя поздравил Верочку крепким хлопком по плечу, а Коба произнёс в честь любимой тёщи душевный тост.

Тут Вера вспомнила про салат «селёдка под шубой», приготовленный ею ещё с вечера и надёжно спрятанный за банками в глубине холодильника. Когда она бережно несла тарелку в комнату, в дверь неожиданно позвонили. Вера открыла входную дверь одной рукой, втайне надеясь, что этот поздний гость окажется кем угодно, только не агентом полиции. Но, распахнув двери, она просто ахнула.

Катя вбежала в коридор как раз вовремя — она успела подхватить салатницу, которая в Вериных руках вдруг сделалась совершенно невесомой. На пороге стоял мужчина, которого она уже мысленно вычеркнула из своей памяти.

На этот раз Ронни был неотразим. Он буквально излучал мужественность и уверенность. Ослепительно белая рубашка с погонами с вызовом выглядывала из-под кожаной куртки пилота, выгодно подчёркивая силу широких плеч и шеи. На груди у него поблёскивала массивная золотая цепь, на которой висели две тяжёлые пластины — такие обычно носили моряки,

отправляясь в дальнее плавание. Плотная шерстяная шляпа в зелёную клетку а-ля Шерлок Холмс удивительным образом сочеталась с умным, пронизательным взглядом его зелёных глаз.

Эта обворожительная мужская улыбка мгновенно пленила Веру, и она без малейших раздумий упала в его раскрытые объятия. От Ронни исходил тончайший шлейф дорогого парфюма — изысканный запах Вериного обретённого счастья.

В прихожей замерла вся большая семья именинницы, а за их спинами испуганно вытянулась Даша. И прямо на глазах у притихших домочадцев гость плавно вынул из нагрудного кармана куртки бархатную коробочку и протянул её Вере. Она уже знала, какое сокровище скрывается внутри.

— Дорогая моя жена, я очень тебя люблю. Прими эти золотые серёжки от меня. Хорошо?

Говоря это, Ронни с робкой надеждой посмотрел на свою возлюбленную. Они понимали друг друга без лишних слов, и тайный, сакральный смысл, заключённый в этих золотых серёжках, делал момент признания по-особому трепетным. Когда-то он спросил её, почему у неё до сих пор не проколоты уши, как это принято у женщин, и она ответила прямо:

— Я решусь проколоть уши только тогда, когда золотые серёжки мне подарит по-настоящему любимый мужчина. В моей семье об этом правиле знают все.

Вера дрожащими пальцами приняла подарок, а Ронни нежно прижал её к сердцу и тихо прошептал:

— Я твой. Я просто не могу без тебя.

Затем он повернулся к её притихшим детям и твёрдо произнёс:

— Я беру вашу маму в жёны и обещаю сделать её по-настоящему счастливой.

Вера вдруг почувствовала себя маленьким, слабым созданием — так, должно быть, чувствует себя потерянная сирота, которую наконец-то отыскивали любящие родители.

— Я думала, ты больше никогда не придёшь... А ты пришёл, серёжки принёс. Но уши-то мои всё ещё не проколоты.

— Ты согласна проколоть их ради меня?

— Да!

Тут в их интимный диалог бесцеремонно вмешалась практичная Катя:

— Мама, Ронни, да проходите же к столу, картошка стынет! Мам, а дай мне серёжки разок поносить?

— Нет, Катя, не дам, — мягко, но решительно отказала Вера. — Эти серёжки — не просто украшение, они слишком много значат для меня.

Стесняясь собственной внезапной сентиментальности, Вера принялась заботливо подкладывать гостям «селёдку под шубой», которая своим ярко-розовым видом поначалу искренне пугала Ронни, совершенно не привыкшего пробовать то, чем его не кормили в далёком бельгийском детстве.

Даша ела всё подряд, совершенно не чувствуя вкуса еды. Её уязвлённому сердцу было невыносимо трудно принять внезапное счастье подруги, оно отчаянно протестовало и болело.

— Верочка, — обратилась она, натянув улыбку, — дай-ка мне ещё раз взглянуть на твой подарок... Нет, это точно не подделка, золото самой высшей пробы. А почему же ты до сих пор уши не проколола?

— А это наш секрет! — улыбнулась Вера и слегка покраснела.

Затем коробочка перешла к Катюше. Та скрупулёзно рассмотрела крошечное клеймо на обратной стороне обручальных серёжек и, окончательно убедившись в подлинности драгоценности, бережно вернула её матери.

Они сидели рядом — Вера и её Ронни, — твёрдо собираясь встретить вместе свою тихую старость. И их взаимная клятва верности, некогда данная перед лицом Господа, больше ни в каких земных пробах не нуждалась.

Осеннее утешение

Уже который день встречает утро

Серостью меня.

Туманами, повисшими в долине.

Дрожащим холодом рассвета.

Синица за окном,

Без голоса и слуха,

Пытается о солнце что-то спеть

Запутавшись в ветвях осины,

Стоящей в скорби.

Тоскливая,

Как мокрая увядшая листва,

Заныла в сердце ностальгия,

Она,

В чреде дождливых дней,

Как злобная богиня сновидений,

Выуживает из глубин души моей

Давно забытые стихи,

В которых днем

Не светит солнце

А по ночам

Безликая луна

Не озаряет небеса.

Спасает от противного уныния

Горячий черный кофе на двоих,
Без сахара и молока,
Сок выжитого апельсина
Два глотка,
И бесконечный разговор
О том, что было и прошло,
О будущем - немного,
А настоящего
Мы даже не касались.
Я знаю, это осень
Наложил на него табу.
Забыты неотложные дела,
И клонит после завтрака
Ко сну...
А на душе такая безысходность
Что мыслидохнут на ходу.
И кажется, что это будет вечно

Холодная и мрачная погода,
Предчувствие беды,
Такие, вот, собачьи дни!

И так из года в год,
Мы забываем,
Что время скорби
Дано нам Богом.

Не для того,
Чтобы мы зачали,
Как розы под зиму в саду,
А чтобы в любую погоду
Были рады новому дню,
Любили друг друга,
Как только могли,
И верили,
Без всякого сомненья
В смерть Христа,
И в Его Воскресенье,
В котором живёт
Святая радость Рождества.

А осень тихо прощалась с нами,
И, плача затяжными дождями,
Заботливо землю укрывала
Багряно-желтыми коврами.

Простая история на Рождество

По христианской традиции к Рождеству люди готовятся загодя. В Рождественскую ночь принято собираться вместе за праздничным столом, разговаривать о том о сём, вкусно есть, подводить итоги уходящего года — в общем, себя показать и на других посмотреть. А с появлением первой вечерней звезды — вспомнить чудесную историю рождения Младенца Иисуса Христа, которая когда-то разломила мир пополам, а затем — благословить друг друга рождественскими подарками.

Эта история случилась на Рождество в одном приморском городке Бельгийского королевства, где в небольшой курортной квартире жили заслуженный пенсионер Ронни и его русская жена Вера. Познакомились они на сайте знакомств, популярность которого в те годы только начинала расти среди одиноких людей, мечтающих вместе встретить старость. Ронни просил у Бога встречу с хорошей женщиной, потому что о пылкой любви уже и не думал, а Вера — достойного мужчину, который стал бы ей надежной опорой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.